

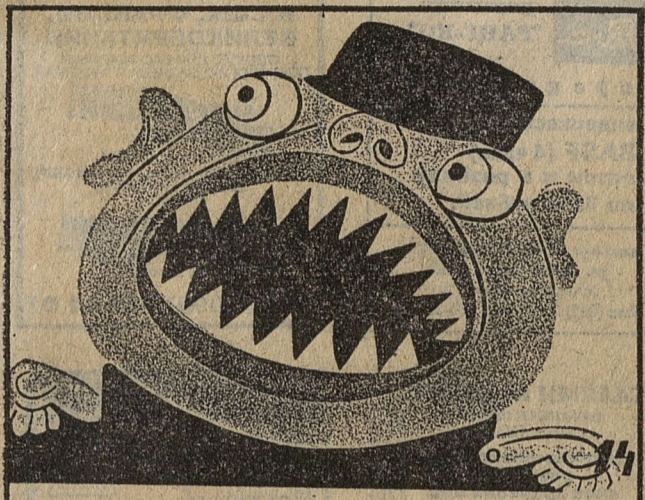
Маяковский В.В.

13.04.93.2

1993 - 13 апреля - с.3

Пощечина общественному вкусу

Маяковский мог позволить себе и не такое. Комиссия по его юбилею — никогда!

14) Товарищи! бойтесь попасть в такую пасть

Жизнь есть течение желтое, как кофта футуриста Маяковского.

Желтое, как струи канализационных вод, растекающихся по сложной системе труб и бульбачающих в ассенизационных отстойниках, сетках и частоколах.

Жизнь есть система ассенизации — хочется очищения, а к нему не проберешься, не коснувшись нечистот. Странная штука.

Министр культуры Сидоров, осмотрев макет Унитазы, сказал, что если художник так видит, значит, есть в этом нечто.

Унитаз — одна из ведущих конструкций на выставке, которую должны были бы открыть девятнадцатого июля. Но не откроют, а может, и вообще...

К столетию поэта Владимира Маяковского будет другая, более привычная выставка. Музей Маяковского предложил сразу две. Но одна оказалась пощечины общественному вкусу. Только футуристы могли себе позволить такое. Но — мы, Директор Политехнического музея, на территории которого планировалось вторжение, встал в оппозицию. Юбилейный оргкомитет раскололся. Марк Розовский посоветовал организаторам плюнуть и вместо выставки выйти с Унитазом и с Маяковским на улицу.

К тому же торжественное заседание по поводу юбилея переплыло на 19 октября. Не потому что, а просто все в отпусках, и от Маяковского не будет, если столетие немного переместить. У министра решили.

А выставка, которую пока неизвестно что ждет, посвящена 100-летию поэта и 100-летию начала строительства канализации в Москве. «Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме».

«Место должно быть у тебя вне стана, куда бы тебе выходить. Кроме оружия твоего, должна быть у тебя лопатка; и когда будешь садиться вне стана, выкопай яму, и опять зарой ею испражнение твое, ибо Господь Бог твой ходит среди стана твоего... а посему стан твой должен быть свят, чтобы Он не увидел у тебя чего срамного и не отступил бы от тебя». (Второзаконие. 23, 12-14).

Моисей был первым ассенизатором. Маяковский соединил ассенизацию с поэзией. Причем буквально.

Полукоровы влажные глаза Владимира Владимировича, он вроде таира громадина, а на самом деле затаился крошечка-сын и выглядывает оттуда, из глаз.

Одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека? Был он новым зрением российской поэзии? По Тынянову — был новою волей. Уличным происшествием для комнатного жителя.

Любил молного Блока. Потом передобил позвоночник строки, вообразив себе флейту. И понял, про себя, что — лавируя в нагромождение ритмов — он есть революционер в искусстве. Поверил, что революция в искусстве совпадает с социальной. Позвонки отваливались от флейты, пока не остался последний — свисток.

А на похоронах Маяковского свою дикую песню выводила зурна.

Молоденькая художница Е. Лавинская, едва услышав о выстреле 14 апреля, понеслась к своему божеству. Ей показали фотографию, попросили быстренько посмотреть, и потом снимок исчез. Маяковский лежал на полу с распростертыми руками-ногами и широко раскрытым в крике ртом. «Мне объяснили: «Засняли сразу, когда вошли в комнату, Агранов, Третьяков и Кольцов».

Чекисты были начеку.

Из сценария выставки: «Два экспозиционных отсека, выделенных (поначалу) дирекцией Политехнического музея, так и просятся под заголовки «М» и «Ж». Но не будем сочинять образ за режиссера. Ему виднее, где расставить половые акценты. Мы же опишем общую картину — окаменевшее дерьмо (оно и есть объект ассенизации, подвига и т. д.), прикрывающее цель нашей экспозиции. Трудно пока остановиться на конкретном материале, но, думается, что сегодняшняя фотохроника будет использована».

Шаги гулко разбивались о стенки тоннеля и осыпались ошметками штукатурки. «Ассенизатор и воловоз» шлепал, раздвигая дерьмо, брызги летели наобум.

Очиститься самому было некогда.

По словам Мейерхольда, когда тот собрался снимать фильм по «Отцам и детям», Маяковский попросился на роль Базарова. Он умел резать слово, как Базаров лягушек.

Но со штыком да пером управляться с каждым голом было все сложнее. Ассенизатора вытеснял слесарь-сантехник.

«На кране одном написано: «Хол». На кране другом — «Гор».

«Прежде чем идти к невесте, побывай в Резинотресте!»

С палубы современности горохом сметались классики. Маяковский любил их декламировать. «По небу полуночи ангел летел» — «передельвал совсем непечатно». Или — «В белом венчике из роз Луначарский наркомпрос (впереди Абрам Эфрос)».

Услышал Некрасова — «Неужели это не я написал?» Но поздно, от Некрасова тоже шли пузырьки».

Выставку «Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме» придумал Тарас Поляков, сотрудник института культурологии, с помощью сотрудников Музея Маяковского.

Человек попадает через гигантский Унитаз в канализационную систему. Проходит по трубам, стокам, между транспарантах — как на Дельфийском храме — «Запрещено производить нечистоты на этой священной почве».

Канализационная система, сработанная сто лет назад в Москве, действует до сих пор. Системы политические, капельные карточные домики, строятся и рассыпаются. Карты рвутся, как бетонные балки, приплюсывая поэтов.

Из сценария выставки: «...В этом месте терпение какой-нибудь дамочки от культуры лопаются. «Вы про что экспозицию-то делаете?» Про фекалии с дядей Володей или про лучшего и талантливейшего?»

Ну, пускай даже не про самого лучшего и не самого талантливейшего, все равно — столетний юбилей! А деньги на это «дерьмо» вам государство, думаете, отстегнет? Как же, ждите!»

Это еще хорошая дамочка. Плохая просто вызовет психотачку. Плохие, они, как правило, шибко начитанные».

Немецкий философ в области ассенизации Плейфер в прошлом веке размышлял: «В течение более тысячи лет ни один человек в Европе не мыл своего тела».

Ассенизатор Маяковский хотел обрушить холодный душ на мирных и воинствующих граждан.

Его облобызал Максимыч. Потом Ильич заметил политическую целесообразность присутствия Маяковского. И тот поверил. Тому стали позволять больше, чем неотмеченным. Он ездил по заграницам, уверенный, что там все от него без ума.

А в комнате оставаться надеине с собой побивался. Я и Ленин. Двое в комнате.

Некрофил он или биофил? Лысый фонарь сладострастно снимает с улицы черный чулок. Лиф души расстегнули.

Маяковский был маленький и слабый, добрый человек. Чтобы как-нибудь защищаться, научился надуть футуристические щеки и кутаться в красные тоги. Тога срослась с кожей, как ядовитый плащ — с телом мифического героя.

А в прошлом году в «Литературке» поэтесса Елена Скульская предложила приступить к очередной очистке корабля от классиков. «Поместить старое искусство в какие-нибудь резервации, чтобы не мешало. И создать новое — полезное».

Художник Юрий Анненков встретил приятеля где-то во Франции.

«Маяковский, между прочим, спросил меня, когда же, наконец, я вернусь в Москву? Я ответил, что я об этом больше не думаю, так как хочу остаться художником. Маяковский хлопнул меня по плечу и, сразу помрачнев, произнес охрипшим голосом: — А я — возвращаюсь... так как я уже перестал быть поэтом.»

Затем произошла поистине драматическая сцена: Маяковский разрыдался и прошептал, едва слышно: — Теперь я... чиновник...

Служанка ресторана, напуганная рыданиями, подбежала:

— Что такое? Что происходит?

Маяковский обернулся к ней и, жестоко улыбнувшись, ответил по-русски: — Ничего, ничего... я просто подавился косточкой».

Из сценария выставки:

«В общем, такой большой и такой ненужный». Разве? А его, так сказать, социальная функция?

Лягу светлый, в одеждах из лени на мягкое ложе из настоящего навоза и тихим целующим шпал колени обнимет мне шею колесо паровоза. Словом, он предвидел все.

Восьмого июля юбилейный оргкомитет в очередной раз решал вопрос, допустимо ли к такой дате — открывать такую странную выставку?

Из записной книжки поэта (1917 год):
18 июля
8.45
Сразу стало как-то совершенно не для чего жить.
11 октября
4 ч. (30) 15 м.
Конец».

Зуд ассенизации. С одной стороны — очищение, с другой — тупик. И так целую вечность, пока не оборвешь ее сам.

Игорь ВИРАБОВ.